

Хуа Чэ, не отводя взгляда, смотрел в свирепые глаза Инь Ухуэя.

— Ошибся лишь он, какое это имеет отношение к другим?

— Неужели я правильно услышал? — Инь Ухуэй в волнении встал и спустился с нефритовых ступеней. — Ты говоришь о тех, кто вчера ещё преклонялся перед тобой, а сегодня уже готов убить тебя? Разве это не последователи Пути Бессмертных? Вчера они тебя почитали, а сегодня готовы растоптать, как грязью вымазали твоё имя. Эти лицемеры недостойны жизни, а ты, вместо того чтобы от них отречься, до сих пор с ними заодно!

— Вы правы, — горько усмехнулся Хуа Чэ, его бледное лицо выражало лишь усталость. — С того момента, как вы публично раскрыли моё происхождение, я стал изгоем, отвергнутым всем миром.

Инь Ухуэй прищурился:

— Ты обвиняешь отца?

— Не называйте себя отцом, меня от этого тошнит! — резко крикнул Хуа Чэ. — В моём словаре есть только мать, отца там нет!

Рука Инь Ухуэя замерла. Он спокойно спросил:

— Ты обвиняешь меня в том, что я бросил тебя и твою мать?

Хуа Чэ усмехнулся ещё горше:

— Владыка Демонов, вы, кажется, сами это понимаете?

Он не боялся ничего, схватил Инь Ухуэя за воротник и прошептал низким, хриплым голосом, словно загнанный зверь:

— Где вы были, когда мою мать, беременную мной, выгнали из Хмельного терема? Где вы были, когда она умерла, а я, как нищий, скитался в поисках пропитания?

— Владыка Демонов, перед которым склоняются тысячи демонов, вы даже свою жену и сына не смогли защитить, бросили нас, как ненужный хлам. А теперь вы пытаетесь притвориться отцом, разыгрывать родственные чувства? Не приложив ни малейших усилий, вы хотите получить сына? Разве в мире бывает так просто?

Хуа Чэ оттолкнул его с силой:

— Даже если мне суждено погибнуть, я никогда не стану одним из вас, этих запятнанных злодеев!

— Запятнанные злодеи? — Инь Ухуэй рассмеялся. — Хуа Чэ, ты унаследовал мою кровь. Думаешь, если я запятнан, ты сможешь остаться чистым и непорочным? Разве поведение тех последователей Пути Бессмертных на Турнире Десяти Тысяч Сект тебе не показательно? Думаешь, кроме Чертога Сжигающего Чувства, в этом мире найдётся место для тебя?

Как бы Хуа Чэ ни хотел отрицать, Инь Ухуэй был прав. Даже он не мог опровергнуть его слова, не мог обмануть себя, ведь факты были слишком очевидны.

— Оставайся со мной, в Чертоге Сжигающего Чувства. Ведь Лу Минфэн точно будет преследовать тебя по всему свету, разрушит твою репутацию. Я ворвался в Секту Шанцин и забрал тебя, наверняка было много свидетелей. Ха-ха-ха, представляешь, какой сейчас творится хаос?

Хуа Чэ и без слов Инь Ухуэя уже догадывался, что происходит. Что ещё можно сказать? Лу Минфэн ослеп, его добрые намерения обернулись против него самого. Ученик, которого он так защищал, оказался предателем, ранил его и сбежал из секты вместе с родным отцом.

Сын Владыки Демонов, с демонической кровью в жилах, с рождения был обречён быть проклятым всеми!

Хуа Чэ покинул Чертог Сжигающего Чувства. Инь Ухуэй, словно специально желая посмотреть, как он будет страдать, не стал его останавливать.

Если одна мечта рухнула, остались ещё Лу Яо, Чу Бинхуань и Бабушка Цзян. Пока в сердце есть что-то дорогое, человек находит силы двигаться дальше.

Он лечил раны и старался повысить свои силы. Через полмесяца он вернулся в Секту Шанцин. Не для того, чтобы отомстить учителю, и не чтобы разоблачить злодеяния Лу Минфэна. С его положением, даже с неопровержимыми доказательствами, все бы посчитали это клеветой. Хуа Чэ не хотел тратить силы впустую. О делах Лу Минфэна он собирался поговорить с Чу Бинхуанем в Юньтянь Шуйцзин, ведь он верил, что Чу Бинхуань поверит ему.

На этот раз он вернулся в Секту Шанцин ради Лу Яо. Лу Минфэн был жесток и кровожаден, а Лу Яо ещё не знал его истинной сущности. Если Лу Минфэн окончательно потеряет рассудок, не убьёт ли он Лу Яо, чтобы извлечь Золотое ядро собственного сына?

Хуа Чэ считал, что даже зверь не станет убивать своего детеныша, но он не мог быть уверен. Лу Яо, хоть и был робким, но обладал острым умом. Возможно, он найдёт следы и дойдёт до каменной комнаты в горах, где начнёт спорить с Лу Минфэном...

Чем больше Хуа Чэ думал, тем больше понимал, насколько это опасно. Он обещал Лу Яо всегда защищать его, и даже если этот путь был полон опасностей, он должен был его пройти.

Прожив здесь более десяти лет, Хуа Чэ легко нашёл дорогу к Павильону Шанцин и бесшумно пробрался внутрь. Стоя у двери, он увидел, что Лу Яо действительно был в комнате.

Хуа Чэ уже собирался войти, как вдруг услышал голос Лу Минфэна:

— После всего сказанного, что ты хочешь сделать?

Лу Яо стоял в отдалении, опустив голову:

— Цинкуна забрал Инь Ухуэй, и Чу Тяньюй знает об этом. Он собирается в одиночку проникнуть в Чертог Сжигающего Чувства, чтобы спасти его. Я... я тоже хочу пойти.

— Ты тоже хочешь пойти? — Лу Минфэн поднял бровь. — Чтобы вернуть его?

— Нет, — на губах Лу Яо появилась холодная улыбка. — Я хочу убить его раньше, чем это сделает Чу Тяньюй.

Хуа Чэ, стоящий за дверью, вздрогнул всем телом!

— Ты действительно готов на это? — удивился Лу Минфэн.

Лу Яо спокойно ответил:

— Он знает вашу тайну, поэтому должен умереть.

Хуа Чэ сделал шаг назад, едва удерживая равновесие. Неужели Лу Яо всё это время знал о том, что Лу Минфэн убивает учеников и забирает их Золотые ядра?

— Я всегда считал тебя мягким и нерешительным, но, похоже, ты можешь быть жестоким, — с лёгкой усмешкой сказал Лу Минфэн. — Хуа Чэ всегда заботился о тебе, ты слишком зависел от него. Я думал, ты встанешь на его сторону.

— Вы шутите, разве я мог бы?

Лу Яо сделал несколько шагов вперёд, опустился на колени перед Лу Минфэном и вздохнул. В его глазах появилась пугающая жестокость:

— Он слишком яркий. Рядом с ним я чувствую себя ничтожным. Иногда я просто хочу, чтобы он упал, чтобы больше никогда не поднялся!

Хуа Чэ почувствовал, как сердце сжалось, кровь хлынула в горло, но он сдержался. Его тело дрожало, тепло в груди исчезло, оставив лишь ледяной холод.

Он вспомнил, как много лет назад ученики Секты Шанцин сплетничали о Лу Яо, унижали его, а он, разгневанный, избил их до полусмерти. Тогда он чувствовал себя более неловко, чем Лу Яо, и даже сомневался, правильно ли поступил. Но Лу Яо утешил его.

Теперь он понимал, что Лу Яо действительно не волновало это. Ему было всё равно. Ведь он знал, что Хуа Цинкун, каким бы сильным он ни был, рано или поздно станет добычей его отца. Все его усилия, все его достижения — всё это в конечном итоге достанется отцу.

Какое там положение главы Секты Шанцин? Мечтать не вредно! Разве пост главы секты может достаться не родному сыну, а какому-то «скоту»?

Ха-ха-ха.

А ещё он говорил: «Старший брат всегда будет защищать тебя». Какая самонадеянная чушь! Всё это было так смешно!

Всё рухнуло. Самый уважаемый учитель, самый близкий младший брат. Все мертвы!

Он не хотел убивать, ведь это был отец Лу Яо. Ради Лу Яо он не мог убить Лу Минфэна.

Но теперь? Больше не было сомнений. Оба они заслуживали смерти! Сообщники, одного поля ягоды!

Хуа Чэ не помнил, как ворвался внутрь. Он только знал, что весь Павильон Шанцин превратился в руины.

Как он и предполагал, талант Лу Минфэна был ничтожен, а Лу Яо унаследовал его. Да, они были родственниками!

Недостаток таланта можно компенсировать Золотыми ядрами других, но это всё равно чужая сила.

Поглощение Золотого ядра требовало огромного количества Истинной энергии, и Хуа Чэ уже хорошо знал слабости Лу Минфэна.

Без проклятия Лу Минфэн не смог бы контролировать Хуа Чэ.

Тот, кто трижды становился чемпионом, не был пустышкой. После нескольких схваток Хуа Чэ запечатал Лу Минфэна заклинанием и использовал «Исследование духа», чтобы проникнуть в его внутренний мир.

Это был рискованный шаг, но он сработал.

Хуа Чэ наложил проклятие на Духовную душу Лу Минфэна и активировал Золотые ядра, которые тот поглотил у своих учеников. Старые ядра уже полностью слились с его телом, но более свежие, всего около тридцати, Хуа Чэ привёл в движение!

<http://bllate.org/book/15412/1362951>